

лым обзором истории европейских событий конца XVII в. Некоторые лекции, особенно по истории Германии конца XVI — начала XVII в., имеют подчас описательный характер: историк нередко ограничивается сухим перечнем событий, дат, имен. Основная же часть курса изложена конкретно и образно, но, главное, она содержит гораздо больше обобщений, чем это имело место в предшествующих курсах.

Это, конечно, результат развития научных воззрений Грановского, свидетельство зрелости его как исследователя. Нельзя вместе с тем не видеть здесь и определенного влияния исторической ситуации. Грановский начал читать данный курс в условиях ужесточившейся николаевской реакции. «Я иногда не могу говорить... так определительно, как желал бы»⁹, — признавал Грановский, беседуя с одним из своих слушателей. Ученому приходилось прибегать к глухим намекам, иносказаниям. Но и в высказываниях, быть может недостаточно «определятельных», ощущается глубина мысли, слышатся отзвуки страстных общественных споров. Не могли по отразиться на творчестве ученого и революционные события на Западе.

Воззрения Грановского, как это можно заметить, становятся более противоречивыми, усиливаются колебания, вера в возможность постепенного изменения отживших порядков. Мы знаем, что его оценки европейских революций 1848 и 1849 гг. не совпадали с оценками и выводами Герцена и Огарева. Но эти расхождения не устранили их общности в антикрепостнических убеждениях, в сочувствии угнетенным¹⁰. Споры с друзьями способствовали углублению проблематики его курса, содержащего пронизательные суждения и догадки о роли материальных факторов в развитии общества, о творческой роли народа.

Для основной части публикуемых лекций использовано три записи¹¹. В основу положен текст студента третьего курса историко-филологического факультета Московского университета Петра Бессонова. Это толстая переплетенная тетрадь (206 листов), хранящаяся в Отделе письменных источников Исторического музея¹². Запись Бессонова не только наиболее полная, но и сохранившая правку самого Грановского. На полях многих страниц бессоновско-

⁹ Воспоминания Александра Сиверцова. — Там же, ф. 345, ед. хр. 30, л. 100 об. — 102.

¹⁰ Грановский резко осуждал торжествующую в Европе реакцию (см.: Литературное наследство, 1933, т. 7—8, с. 53). В то время как либерал Чичерин именовал восставшие массы Парижа «мятежом разнузданной толпы», для Грановского — это вступление в историю нового пролетария (в отличие от древнего), требующего «с оружием в руках ... труда и приличного вознаграждения за труд» (ГБЛ, ф. 178, 3598, XXI, л. 9). См. подробнее: *Нифонтов А. С.* Россия в 1848 г. М., 1949.

¹¹ Более подробный обзор студенческих рукописей см.: Лекции, 1971, с. 8—18.

¹² ОПИ ГИМ, ф. 345, ед. хр. 21.